

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

НИКОЛАЙ
БЕРДЯЕВ

РУССКИЙ
НАРОД

БОГОНОСЕЦ
ИЛИ ХАМ?

НИКОЛАЙ
ЛОССКИЙ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Николай Александрович Бердяев
Николай Онуфриевич Лосский
Русский народ. Богоносец или хам?
Серия «Философский поединок»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6717608

Русский народ. Богоносец или хам? / Николай Бердяев, Николай Лосский.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0713-3

Аннотация

Николай Александрович Бердяев – крупнейший русский философ XX века, после Октябрьской революции 1917 года был выслан из России. В своем творчестве Бердяев перешел от марксизма к философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма. Большое внимание Н.А. Бердяев уделял особенностям русского сознания и мировоззрения.

Николай Онуфриевич Лосский – выдающийся представитель русской религиозной философии, один из основателей направления интуитивизма в философии. После революции, как и Бердяев, он был выслан из России и продолжал свою деятельность в эмиграции.

В книге, представленной вашему вниманию, собраны произведения Н.А. Бердяева и Н.О. Лосского, посвященные русской ментальности. Что представляет собой русский народ, какие черты преобладают в нем; кто он в главной своей сущности, – «народ-богоносец», по определению Ф.М. Достоевского, или народ, подверженный влиянию «грядущего хама», как считал Д.С. Мережковский?

Бердяев и Лосский, каждый со своих позиций, дают блестящую характеристику русского народа.

Содержание

Н.А. Бердяев. Россия и Русские	4
О власти пространств над русской душой	4
Об опасности централизма	8
О душе России	10
Может ли русский человек быть честным?	16
Об отношении русских к идеям	20
Русский империализм	24
Мессианское сознание русских	25
Русская и польская душа	27
Н.А. Бердяев. Русская революция	31
Русский нигилизм	31
Добролюбов, Чернышевский, Писарев	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николай Александрович Бердяев, Николай Онуфриевич Лосский Русский народ. Богоносец или хам?

**Н.А. Бердяев. Россия и Русские
(Из книги Н.А. Бердяева «Судьба России»)**

О власти пространств над русской душой

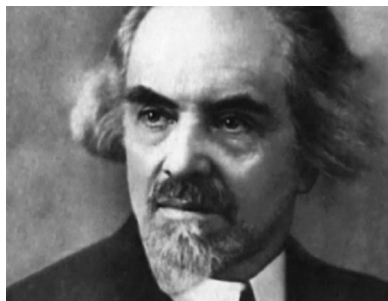
Не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства. Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное государственное целое. Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа.

Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. И в огромном деле создания и охранения своего государства русский народ истощал свои силы. Требования государства слишком мало оставляли свободного избытка сил. Вся внешняя деятельность русского человека шла на службу государству. И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться. Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности. Оформление своей души и оформление своего творчества затруднено было для русского человека. Гений формы – не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы.

Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и не развита была самостоятельность классов и групп. Нелегко было поддерживать величайшее в мире государство, да еще народу, не обладающему формальным организационным гением. Долгое время приходилось защищать Россию от наступающих со всех сторон врагов. Волны с Востока и Запада грозили затопить Россию. Россия пережила татарщину, пережила смутную эпоху и окончательно окрепла, выросла в государственного колосса. Но необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не вошла внутрь, в созерцание, в душевность, она не могла обратиться к истории, всегда связанной с оформлением, с путем, в котором обозначены границы.

Формы русского государства делали русского человека бесформенным. Смирение русского человека стало его самосохранением. Отказ от исторического и культурного творчества требовался русским государством, его сторожами и хранителями. Необъятные про-

странства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их.

Николай Бердяев

Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть, как бы трансцендентную для него. И в собственной душе чувствует он необъятность, с которой трудно ему справиться. Широкий русский человек, широк как русская земля, как русские поля. Славянский хаос бушует в нем. Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности, – он расплывался в пространстве. И это было не внешней, а внутренней судьбой русского народа, ибо все внешнее есть лишь символ внутреннего. С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души.

* * *

В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами, и не страшно ему было в этих недрах России. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозит русского человека, спасает его. Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию. Почти смешивает и отождествляет он свою мать-землю с Богородицей и полагается на ее заступничество.

Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней. Западно-европейский человек чувствует себя сдавленным малыми размерами пространств земли и столь же малыми пространствами души. Он привык возлагаться на свою интенсивную энергию и активность. И в душе его тесно, а не пространно, все должно быть рассчитано и правильно распределено. Организованная прикреплённость всего к своему месту создает мещанство западноевропейского человека, столь всегда поражающее и отталкиваю-

щее человека русского. Это мещанские плоды европейской культуры вызывали негодование Герцена, отвращение К. Леонтьева, и для всякой характерно русской души не сладостны эти плоды.

Возьмем немца. Он чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. Он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, в напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы. Немец не может существовать в безграничности, ему чужда и противна славянская безбрежность. Он только с большим напряжением энергии хотел бы расширить свои границы. Немец должен презирать русского человека за то, что тот не умеет жить, устраивать жизнь, организовать жизнь, не знает ничему меры и места, не умеет достигать возможного. Русскому же противен германский пафос мещанского устройства жизни. Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет. Русский никогда не чувствует себя организатором. Он привык быть организуемым.

Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу русская государственность боялась самодеятельности и активности русского человека, она слагала с русского человека бремя ответственности за судьбу России и возлагала на него службу, требовала от него смирения. Через исторический склад русской государственности сами русские пространства ограничивали всякую ответственную самодеятельность и творческую активность русского человека. И это порабощение сил русского человека и всего русского народа оправдывалось охранением и упорядочением русских пространств.

* * *

Русский человек должен наконец освободиться от власти пространств и сам овладеть пространствами, нисколько не изменяя этим русскому своеобразие, связанному с русской ширию. Это означает радикально иное отношение к государству и культуре, чем то, которое было доньше у русских людей. Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его. Культура же должна стать более интенсивной, активно овладевающей недрами и пространствами и разрабатывающей их русской энергией. Без такого внутреннего сдвига русский народ не может иметь будущего, не может перейти в новый фазис своего исторического бытия, поистине исторического бытия, и само русское государство подвергается опасности разложения.

Если русское государство доньше хотело существовать пассивностью своего народа, то отныне оно может существовать лишь активностью народа. Пространства не должны запугивать русский народ, они должны будить энергию, не немецкую, а русскую энергию. Безумны те, которые связывают русскую самобытность и своеобразие с технической и экономической отсталостью, с элементарностью социальных и политических форм и хотят сохранить русское обличье через сохранение пассивности русского духа. Самобытность не может быть связана с слабостью, неразвитостью, с недостатками. Самобытный тип русской души уже выработан и навеки утвержден. Русская культура и русская ответственность могут твориться лишь из глубины русской души, из ее самобытной творческой энергии. Но русская самобытность должна, наконец, проявиться не отрицательно, а положительно, в мощи, в творчестве, в свободе. Национальная самобытность не должна быть пугливой, мнительно себя охраняющей, скованной. В зрелый период исторического существования народа самобытность должна быть свободно выраженной, смелой, творящей, обращенной вперед, а не назад.

Некоторые славянофильствующие и в наши горестные дни думают, что если мы, русские, станем активными в отношении к государству и культуре, овладевающими и упорядочивающими, если начнем из глубины своего духа создавать новую, свободную общественность и необходимые нам материальные орудия, если вступим на путь технического развития, то во всем будем подобными немцам и потеряем нашу самобытность. Но это есть неверие в духовную мощь русского народа. Самобытность, которая может быть сохранена лишь прикреплением ее к отсталым и элементарным материальным формам, ничего не стоит, и на ней ничего нельзя основать. Охранители всегда мало верят в то, что охраняют. Истинная же вера есть лишь у творящих, у свободных. Русская самобытная духовная энергия может создать лишь самобытную жизнь. И пора перестать запугивать русского человека огромностью государства, необъятностью пространства и держать его в рабстве. Именно тогда, когда русский человек содержался в рабстве, он был во власти неметчины, наложившей печать на весь склад русской государственности. Освобождение русской народной энергии и направление ее к активному овладению и оформлению русских пространств будет и освобождением русского народа от немецкого рабства, будут утверждением его творческой самобытности. Нельзя полагать русскую самобытность в том, что русские должны быть рабами чужой активности, хотя бы и немецкой, в отличие от немцев, которые сами активны!

Да сохранит нас Бог от такой самобытности – мы от нее погибнем! Исторический период власти пространств над душой русского народа кончается. Русский народ вступает в новый исторический период, когда он должен стать господином своих земель, творцом своей судьбы.

Об опасности централизма

Россия совмещает в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего Средневековья до XX века, от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры. Россия – страна великих контрастов по преимуществу: нигде нет таких противоположностей высоты и низости, ослепительного света и первобытной тьмы. Вот почему так трудно организовать Россию, упорядочить в ней хаотические стихии. Все страны совмещают много возрастов. Но необъятная величина России и особенности ее истории породили невиданные контрасты и противоположности. У нас почти нет того среднего и крепкого общественного слоя, который повсюду организует народную жизнь. Незрелость глухой провинции и гнилость государственного центра – вот полюсы русской жизни. И русская общественная жизнь слишком отеснена к этим полюсам.

Исторический строй русской государственности централизовал государственно-общественную жизнь, отравил бюрократизмом и задавил провинциальную общественную и культурную жизнь. В России произошла централизация культуры, опасная для будущего такой огромной страны. Русская культурная энергия не хочет распространяться по необъятным пространствам России, боится потонуть во тьме глухих провинций, старается охранить себя в центрах. Есть какой-то испуг перед темными и поглощающими недрами России. Явление это – болезненное и угрожающее. Россия – не Франция. И во Франции исключительное сосредоточение культуры в Париже порождает непомерную разницу возраста Парижа и французской провинции и делает непрочными и поверхностными политические перевороты. В России же такая централизация совсем уже болезненна и удерживает Россию на низших стадиях развития.

В России существенно необходимы духовно-культурная децентрализация и духовно-культурный подъем самих недр русской народной жизни. Одинаково должны быть преодолены и ложный столичный централизм, духовный бюрократизм и ложное народничество, духовный провинциализм. Одинаково неверна и столичная ориентировка жизни, и ориентировка провинциальная. Это две стороны одного и того же разрыва в народной жизни. Должна начаться общенациональная ориентировка жизни, идущая изнутри всякого русского человека, всякой личности, сознавшей свою связь с нацией. Недра русской жизни не где-либо, а везде, везде можно открыть глубину народного духа. На поверхности национальной жизни всегда будут существовать духовные центры, но не должно это носить характера духовной бюрократизации жизни.

* * *

Разные возрасты России прежде всего ставят задачи духовного, морального и общественного воспитания и самовоспитания нации. Эти задачи предполагают большую гибкость и не допускают насилия над народной жизнью. Если бюрократически-абсолютистская централизация и централизация революционно-якобинская вообще опасны для здорового народного развития, то еще более опасны они в такой колоссальной и таинственной стране, как Россия. Централизм реакционный и централизм революционный могут быть в одинаковом несоответствии с тем, что совершается в глубине России, в недрах народной жизни.

Бюрократизм есть особая метафизика жизни, и она глубоко проникает в жизнь. Но провинциализм есть другая метафизика жизни. Крайний централистический бюрократизм и крайний провинциализм соотносительны и взаимно обуславливают друг друга. Децентрализация русской культуры означает не торжество провинциализма, а преодоление и провин-

циализма, и бюрократического централизма, духовный подъем всей нации и каждой личности.

В России повсеместно должна начаться разработка ее недр, как духовных, так и материальных. А это предполагает уменьшение различия между центрами и провинцией, между верхним и нижним слоем русской жизни, предполагает уважение к тем жизненным процессам, которые происходят в неведомой глубине и дали народной жизни. Нельзя предписать свободу из центра, — должна быть воля к свободе в народной жизни, уходящей корнями своими в недра земли. Эта воля к свободе и к свету есть и в самых земляных и темных еще слоях народа. Нужно только уметь подойти к темной еще народной душе с вникающей любовью и без насилия.

Ныне должна проснуться не интеллигенция, не верхний культурный слой, не какой-нибудь демагогически развиваемый класс, а огромная, неведомая, народная, провинциальная, «обывательская» Россия, не сказавшая еще своего слова. Свет сознания, который должен идти навстречу этой пробуждающейся России, не должен быть внешним, централистическим и насилующим светом, а светом внутренним для всякого русского человека и для всей русской нации.

О душе России

Россия стоит перед великими мировыми задачами. Но это глубокое чувство сопровождается сознанием неопределенности, почти неопределимости этих задач. С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы как Третьего Рима, через славянофильство – к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призвание и остро сознавать его в периоды наибольшего духовного подъема, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа...

Русское государство давно уже признано великой державой, с которой должны считаться все государства мира и которая играет видную роль в международной политике. Но духовная культура России, то ядро жизни, по отношению к которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка и орудие, не занимает еще великодержавного положения в мире. Дух России не может еще диктовать народам тех условий, которые может диктовать русская дипломатия. Славянская раса не заняла еще в мире того положения, которое заняла раса латинская или германская.

Призванность славянства предчувствовали многие чуткие люди на Западе. Но осуществление мировых задач России не может быть предоставлено произволу стихийных сил истории. Необходимы творческие усилия национального разума и национальной воли. И если народы Запады принуждены будут наконец увидеть единственный лик России и признать ее призвание, то остается все еще неясным, сознаем ли мы сами, что есть Россия и к чему она призвана? Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной. Россия – противоречива, антиномична. Душа России не покрывается никакими доктринами. Тютчев сказал про свою Россию:

Умом России не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

И поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений. А верит в Россию каждый по-своему, и каждый находит в полном противоречий бытии России факты для подтверждения своей веры. Подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от характерного космополитического отрицания и иноземного рабства.

* * *

Противоречие русского бытия всегда находило себе отражение в русской литературе и русской философской мысли. Творчество русского духа так же двоятся, как и русское историческое бытие. Это яснее всего видно на самой характерной нашей национальной идеологии – славянофильстве и на величайшем нашем национальном гении Достоевском, русском из русских. Вся парадоксальность и антиномичность русской истории отпечата-

лась на славянофилах и Достоевском. Лик Достоевского так же двоится, как и лик самой России, и вызывает чувства противоположные. Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христа (Великий Инквизитор) мирится с рабьей покорностью. Не такова ли и сама Россия?..

Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты – все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм – явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым. Славянофилы и Достоевский – такие же в сущности анархисты, как и Михаил Бакунин или Кропоткин. Эта анархическая русская природа нашла в себе типическое выражение в религиозном анархизме Льва Толстого. Русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности. В лучшей, героической своей части она стремилась к абсолютной свободе и правде, неместимой ни в какую государственность. Наше народничество, – явление характерно-русское, незнакомое Западной Европе, – есть явление безгосударственного духа. И русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Никто не хотел власти, все боялись власти, как нечистоты. Наша православная идеология самодержавия – такое же явление безгосударственного духа, отказ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы сознавали, что их учение о самодержавии было своеобразной формой отрицания государства. Всякая государственность представлялась позитивистической и рационалистической. Русская душа хочет священной общности, богоизбранной власти. Природа русского народа сознается как аскетическая, отрекающаяся от земных дел и земных благ.

Наши левые и революционные направления не так уже глубоко отличаются в своем отношении к государству от направлений правых и славянофильских, – в них есть значительная доза славянофильского и аскетического духа. Такие идеологи государственности, как Катков или Чичерин, всегда казались не русскими, какими-то иностранцами на русской почве, как иностранной, не русской всегда казалась бюрократия, занимавшаяся государственными делами – не русским занятием.

В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле!

Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти – так характерна для русского народа и для русской истории. Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа.

* * *

Государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безгосударственного русского народа; она не из него созидалась, а приходила как бы извне, как жених приходит к невесте. И потому так часто власть производила впечатление инозем-

ной, какого-то немецкого владычества. Русские радикалы и русские консерваторы одинаково думали, что государство – это «они», а не «мы».

Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непосильные требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных.

Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземные нашествия. И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни. Эта особенность русской истории наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности. Невозможна была свободная игра творческих сил человека. Власть бюрократии в русской жизни была внутренним нашествием неметчины. Неметчина как-то органически вошла в русскую государственность и владела женственной и пассивной русской стихией. Земля русская не того приняла за своего суженого, ошиблась в женихе. Великие жертвы понес русский народ для создания русского государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своем необъятном государстве. Чужд русскому народу империализм в западном и буржуазном смысле слова, но он покорно отдавал свои силы на создание империализма, в котором сердце его не было заинтересовано. Здесь скрыта тайна русской истории и русской души. Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни? Эта тайна связана с особенным соотношением женственного и мужественного начала в русском народном характере. Та же антиномичность проходит через все русской бытие.

* * *

Таинственное противоречие есть в отношении России и русского сознания к национальности. Это – вторая антиномия, не меньшая по значению, чем отношение к государству. Россия – самая нешовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. Немцы, англичане, французы – шовинисты и националисты в массе, они полны национальной самоуверенности и самодовольства. Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже – увь! – чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирует других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам.

Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им как нечистью. Она исповедовала исключительно сверхнациональные идеалы. И как ни поверхностны, как ни банальны были космополитические доктрины интеллигенции, в них

все-таки хоть искаженно, но отражался сверхнациональный, всечеловеческий дух русского народа. Интеллигенты-отщепенцы в известном смысле были более национальны, чем наши буржуазные националисты, по выражению лица своего похожие на буржуазных националистов всех стран.

Человек иного, не интеллигентского духа – национальный гений Лев Толстой – был поистине русским в своей религиозной жажде преодолеть всякую национальную ограниченность, всякую тяжесть национальной плоти. И славянофилы не были националистами в обычном смысле этого слова. Они хотели верить, что в русском народе живет всечеловеческий христианский дух, и они возносили русский народ за его смирение. Достоевский прямо провозгласил, что русский человек – всечеловек, что дух России – вселенский дух, и миссию России он понимал не так, как ее понимают националисты. Национализм новейшей формации есть несомненно европеизация России, консервативное западничество на русской почве. И Катков, идеолог национализма, был западником, никогда не был выразителем русского народного духа. Катков был апологетом и рабом какой-то чуждой государственности, какого-то «отвлеченного начала». Сверхнационализм, универсализм – такое же существенное свойство русского национального духа, как и безгосударственность, анархизм. Национален в России именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма; в этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира. Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе. И справедливость мировых задач России предопределена уже духовными силами истории.

* * *

Таков один тезис о России, который с правом можно было высказать. Но есть и антитезис, который не менее обоснован. Россия – самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу как гниль и исчадие дьявола, обреченное на гибель. Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. Самый смиренный и есть самый великий, самый могущественный, единственный призванный. «Русское» и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия – «святая Русь». Россия грешна, но и в грехе своем она остается святой страной – страной святых, живущих идеалами святости.

Вл. Соловьев смеялся над уверенностью русского национального самомнения в том, что все святые говорили по-русски. Тот же Достоевский, который проповедовал всечеловека и призывал к вселенскому духу, проповедовал и самый изуверский национализм, травил поляков и евреев, отрицал за Западом всякие права быть христианским миром...

Ту же загадочную антиномичность можно проследить в России во всем. Можно установить неисчислимое количество тезисов и антитезисов о русском национальном характере, вскрыть много противоречий в русской душе. Россия – страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды. Россия – самая небуржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе. Достоевский, по которому можно изучать душу России, в своей потрясающей легенде о Великом Инквизиторе был провозвестником такой дерзновенной и бесконечной свободы во Христе, какой никто еще в мире не решался утверждать. Утверждение свободы духа, как чего-то характерно-русского, всегда было существенной особенностью славянофильства. Славянофилы и Достоевский всегда противопоставляли внутреннюю свободу русского народа, его органическую, религиозную свободу, которую он не уступит ни за какие блага мира, внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним.

В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадой земной прибыли и земного благоустройства. Россия – страна быто-вой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей, нет деспотизма мещанской семьи. Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник свободен от «мира», и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника.

Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции. И здесь мы знаем странников, свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищущих невидимого града. Повесть о них можно прочесть в великой русской литературе.

Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни.

* * *

А вот и антитезис. Россия – страна неслыханного сервилизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством, страна крепкого быта и тяжелой плоти. Россия – страна купцов, погруженных в тяжелую плоть, стяжателей, консервативных до неподвижности, страна чиновников, никогда не переступающих пределов замкнутого и мертвого бюрократического царства, страна крестьян, ничего не желающих, кроме земли, и принимающих христианство совершенно внешне и корыстно, страна духовенства, погруженного в материальный быт...

Россию почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна, так ленива, так погружена в материю, так покорно мирится со своей жизнью. Почвенные слои наши лишены правосознания и даже достоинства, не хотят самостоятельности и активности, всегда полагаются на то, что другие все за них сделают. Иным кажется, что Россия обречена на рабство и что нет выхода для нее к свободной жизни...

Как понять эту загадочную противоречивость России, эту одинаковую верность взаимоисключающих о ней тезисов? И здесь, как и везде, в вопросе о свободе и рабстве души России, о ее странничестве и ее неподвижности, мы сталкиваемся с тайной соотношения мужественного и женственного. Корень этих глубоких противоречий – в несоединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере. Безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоєм, потому что мужественная свобода не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри, из глубины. Мужественное начало всегда ожидается извне, личное начало не раскрывается в самом русском народе. Отсюда вечная зависимость от инородного. В терминах философских это значит, что Россия всегда чувствует мужественное начало себе трансцендентным, а не имманентным, привходящим извне. С этим связано то, что все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России как бы не русским, западноевропейским, французским или немецким или греческим в старину. Россия как бы бессильна сама себя оформить в бытие свободное, бессильна образовать из себя личность. Возвращение к

собственной почве, к своей национальной стихии так легко принимает в России характер порабощенности, приводит к бездвижности, обращается в реакцию.

Россия невестится, ждет жениха, который должен прийти из какой-то выси, но приходит не суженый, а немец-чиновник и владеет ею. В жизни духа владеют ею то Маркс, то Кант, то Штейнер, то иной какой-нибудь иностранный муж. Россия, столь своеобразная, столь необычайного духа страна, постоянно находилась в сервилистическом отношении к Западной Европе. Она не училась у Европы, что нужно и хорошо, не приобщалась к европейской культуре, что для нее спасительно, а рабски подчинялась Западу или в дикой националистической реакции громила Запад, отрицала культуру.

Бог Аполлон, бог мужественной формы, все не сходил в дионисическую Россию. Русский дионисизм – варварский, а не эллинский. И в других странах можно найти все противоположности, но только в России тезис оборачивается антитезисом, бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы, крайний национализм – из сверхнационализма. Из этого безвыходного круга есть только один выход: раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией, имманентное пробуждение мужественного, светоносного сознания.

Может ли русский человек быть честным?

К. Леонтьев говорит, что русский человек может быть святым, но не может быть честным. Честность – западноевропейский идеал. Русский идеал – святость.

В формуле К. Леонтьева есть некоторое эстетическое преувеличение, но есть в ней и несомненная истина, в ней ставится очень интересная проблема русской народной психологии. У русского человека недостаточно сильно сознание того, что честность обязательна для каждого человека, что она связана с честью человека, что она формирует личность. Нравственная самодисциплина личности никогда у нас не рассматривалась как самостоятельная и высшая задача. В нашей истории отсутствовало рыцарское начало, и это было неблагоприятно для развития и для выработки личности. Русский человек не ставил себе задачей выработать и дисциплинировать личность, он слишком склонен был полагаться на то, что органический коллектив, к которому он принадлежит, за него все сделает для его нравственного здоровья.

Русское православие, которому русский народ обязан своим нравственным воспитанием, не ставило слишком высоких нравственных задач личности среднего русского человека, в нем была огромная нравственная снисходительность. Русскому человеку было прежде всего предъявлено требование смирения. В награду за добродетель смирения ему все давалось и все разрешалось. Смирение и было единственной формой дисциплины личности. Лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться.

В. Перов «Монастырская трапеза»

Русский человек привык думать, что бесчестность – не великое зло, если при этом он смиренен в душе, не гордится, не превозносится. И в самом большом преступлении можно смиренно каяться, мелкие же грехи легко снимаются свечечкой, поставленной перед угодником. Высшие сверхчеловеческие задачи стоят перед святым. Обыкновенный русский человек не должен задаваться высокой целью даже отдаленного приближения к этому идеалу святости. Это – гордость. Православный русский старец никогда не будет направлять по этому пути.

Святость есть удел немногих, она не может быть путем для человека. Всякий слишком героический путь личности русское православное сознание признает гордыней, и идеологи русского православия готовы видеть в этом пути уклон к человекобожеству и демонизму. Человек должен жить в органическом коллективе, послушный его строю и ладу, образовываться своим сословием, своей традиционной профессией, всем традиционным народным укладом.

Русский человек не идет путями святости, никогда не задается такими высокими целями, но он поклоняется святым и святости, с ними связывает свою последнюю любовь, возлагается на святых, на их заступничество и предстательство, спасается тем, что русская земля имеет так много святых.

Душа русского народа никогда не поклонялась золотому тельцу и, верю, никогда ему не поклонится в последней глубине своей. Но русская душа склонна опускаться в низшие состояния, там распускать себя, допускать бесчестность и грязь. Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью, он будет верить, что жизнь св. Серафима Саровского выше всех земных благ и что св. Серафим спасет его и всех грешных русских людей, предстательствуя перед Всевышним от лица русской земли. Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговеет перед святостью и ищет спасения у святых, у их посредничества. Какой-нибудь хищник и кровопийца может очень искренно, поистине благоговейно склоняться перед святостью, ставить свечи перед образами святых, ездить в пустыни к старцам, оставаясь хищником и кровопийцей.

Это даже нельзя назвать лицемерием. Это – веками воспитанный дуализм, вошедший в плоть и кровь, особый душевный уклад, особый путь. Это-прививка душевно-плотской, недостаточно духовной религиозности. Но в русском душевном типе есть огромное преимущество перед типом европейским. Европейский буржуа наживается и обогащается с сознанием своего большого совершенства и превосходства, с верой в свои буржуазные добродетели. Русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели.

* * *

Святость остается для русского человека трансцендентным началом, она не становится его внутренней энергией. Почитание святости построено по тому же типу, что и почитание икон. К святому сложилось отношение, как к иконе, лик его стал иконописным ликом, перестал быть человеческим. Но это трансцендентное начало святости, становящееся посредником между Богом и человеком, должно что-то делать для русского человека, ему помогать и его спасать, за него совершать нравственную и духовную работу. Русский человек совсем и не помышляет о том, чтобы святость стала внутренним началом, преобразующим его жизнь, она всегда действует на него извне. Святость слишком высока и недоступна, она – уже не человеческое состояние, перед ней можно лишь благоговейно склоняться и искать в ней помощи и заступничества за окаянного грешника. Почитание святых заслонило непосредственное богообщение.

Святой – больше, чем человек, поклоняющийся же святому, ищущий в нем заступничества, – меньше, чем человек. Где же человек? Всякий человеческий идеал совершенства, благородства, чести, честности, чистоты, света представляется русскому человеку малоценным, слишком мирским, средне-культурным. И колеблется русский человек между началом звериным и ангельским, мимо начала человеческого. Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством. Русскому человеку часто представляется, что если нельзя быть святым и подняться до сверхчеловеческой высоты, то лучше уж оставаться в свинском состоянии, то не так уже важно, быть ли мошенником или честным. А так как сверхчеловеческое состояние святости доступно лишь очень немногим, то очень многие не достигают и человеческого состояния, остаются в состоянии свинском. Активное человеческое совершенствование и творчество парализованы. В России все еще недостаточно раскрыто человеческое начало, оно все еще в потенциях, великих потенциях, но лишь потенциях.

Русская мораль проникнута дуализмом, унаследованным от нашей своеобразной народной религиозности. Идея святой Руси имела глубокие корни, но она заключала в себе и нравственную опасность для русского человека, она нередко расслабляла его нравственную энергию, парализовала его человеческую волю и мешала его восхождению. Это – женствен-

ная религиозность и женственная мораль. Русская слабость, недостаток характера чувствуется в этом вечном желании укрыться в складках одежд Богородицы, прибегнуть к заступничеству святых. Божественное начало не раскрывается изнутри, в самой русской воле, русском жизненном порыве. Переживания своей слабости и своего окаянства и представляются религиозными переживаниями по преимуществу. И мы всего более нуждаемся в развитии в себе мужественного религиозного начала во всех отношениях. Мы должны развивать в себе сознание ответственности и приучаться возлагать как можно больше на самих себя и на свою активность. От этого зависит будущее России, исполнение ее призвания в мире. Нельзя видеть своеобразие России в слабости и отсталости. В силе и в развитии должно раскрыться истинное своеобразие России. Русский человек должен перестать возлагаться на то, что за него кем-то все будет сделано и достигнуто. Исторический час жизни России требует, чтобы русский человек раскрыл свою человеческую духовную активность.

Очень характерно, что не только в русской народной религиозности и у представителей старого русского благочестия, но и у атеистической интеллигенции, и у многих русских писателей чувствуется все тот же трансцендентный дуализм, все то же признание ценности лишь сверхчеловеческого совершенства и недостаточная оценка совершенства человеческого. Так, средний радикальный интеллигент обычно думает, что он или призван перевернуть мир, или принужден остаться в довольно низком состоянии, пребывать в нравственной неряшливости и опускаться. Промышленную деятельность он целиком предоставляет той «буржуазии», которая, по его мнению, и не может обладать нравственными качествами. Русского человека слишком легко «заедает среда». Он привык возлагаться не на себя, не на свою активность, не на внутреннюю дисциплину личности, а на органический коллектив, на что-то внешнее, что должно его подымать и спасать. Материалистическая теория социальной среды в России есть своеобразное и искаженное переживание религиозной трансцендентности, полагающей центр тяжести вне глубины человека. Принцип «все или ничего» обычно в России оставляет победу за «ничем».

* * *

Нужно признать, что личное достоинство, личная честь, личная честность и чистота мало кого у нас пленяют. Всякий призыв к личной дисциплине раздражает русских. Духовная работа над формированием своей личности не представляется русскому человеку нужной и пленительной. Когда русский человек религиозен, то он верит, что святые или сам Бог все за него сделают, когда же он атеист, то думает, что все за него должна сделать социальная среда.

Оргия химических инстинктов, безобразной наживы и спекуляции в дни великих испытаний для России есть наш величайший позор, темное пятно на национальной жизни, язва на теле России. Жажда наживы охватила слишком широкие слои русского народа. Обнаруживается вековой недостаток честности и чести в русском человеке, недостаток нравственного воспитания личности и свободного ее самоограничения. И в этом есть что-то рабье, какое-то не гражданское, до-гражданское состояние. Среднему русскому человеку, будь он землевладельцем или торговцем, недостает гражданской честности и чести...

Я верю, что ядро русского народа нравственно здоровое. Но в нашем буржуазно-обывательском слое не оказалось достаточно сильного нравственного гражданского сознания, нравственной и гражданской подготовки личности. Перед этим слоем стоят не только большие испытания, но и большие соблазны. Русский человек может бесконечно много терпеть и выносить, он прошел школу смирения. Но он легко поддается соблазнам и не выдерживает соблазна легкой наживы, он не прошел настоящей школы чести, не имеет гражданского закала. Это не значит, что так легко соблазняющийся и уклоняющийся от путей личной и

гражданской честности русский человек совсем не любит России. По-своему он любит Россию, но он не привык чувствовать себя ответственным перед Россией, не воспитан в духе свободно-гражданского к ней отношения.

Приходится с грустью сказать, что святая Русь имеет свой коррелятив в Руси мошеннической. Это подобно тому, как моногамическая семья имеет свой коррелятив в проституции. Вот этот дуализм должен быть преодолен и прекращен. Нужно вникать в глубокие духовные истоки наших современных нравственных язв. В глубине России, в душе русского народа должны раскрыться имманентная религиозность и имманентная мораль, для которой высшее божественное начало делается внутренне преображающим и творческим началом. Это значит, что должен во весь свой рост стать человек и гражданин, вполне свободный. Свободная религиозная и социальная психология должна победить внутри каждого человека рабскую религиозную и социальную психологию.

Это значит также, что русский человек должен выйти из того состояния, когда он может быть святым, но не может быть честным. Святость навеки останется у русского народа, как его достояние, но он должен обогатиться новыми ценностями. Русский человек и весь русский народ должны сознать божественность человеческой чести и честности. Тогда инстинкты творческие победят инстинкты хищнические.

Об отношении русских к идеям

Многое в складе нашей общественной и народной психологии наводит на печальные размышления. И одним из самых печальных фактов нужно признать равнодушие к идеям и идейному творчеству, идейную отсталость широких слоев русской интеллигенции. В этом обнаруживаются вялость и инертность мысли, нелюбовь к мысли, неверие в мысль. Моралистический склад русской души порождает подозрительное отношение к мысли. Жизнь идей признается у нас роскошью, и в роскоши этой не видят существенного отношения к жизни.

В России с самых противоположных точек зрения проповедуется аскетическое воздержание от идейного творчества, от жизни мысли, переходящей пределы утилитарно нужного для целей социальных, моральных или религиозных. Этот аскетизм в отношении к мысли и к идейному творчеству одинаково утверждался у нас и с точки зрения религиозной и с точки зрения материалистической.

В России никогда не было ничего ренессансного, ничего от духа Возрождения. Так печально и уныло сложилась русская история и сдавила душу русского человека! Вся духовная энергия русского человека была направлена на единую мысль о спасении своей души, о спасении народа, о спасении мира. Поистине эта мысль о всеобщем спасении – характерно русская мысль. Историческая судьба русского народа была жертвенна, – он спасал Европу от нашествий Востока, от татарщины, и у него не хватало сил для свободного развития.

Западный человек творит ценности, созидает цвет культуры, у него есть самодовлеющая любовь к ценностям; русский человек ищет спасения, творчество ценностей для него всегда немного подозрительно. Спасения ищут не только верующие русские души, православные или сектантские, спасения ищут и русские атеисты, социалисты и анархисты. Для дела спасения нужны катехизисы, но опасна мысль свободная и творческая. Ошибочно думать, что лучшая, наиболее искренняя часть русской левой, революционной интеллигенции общественна по направлению своей воли и занята политикой. В ней нельзя найти ни малейших признаков общественной мысли, политического сознания. Она аполитична и необщественна, она извращенными путями ищет спасения души, чистоты, быть может, ищет подвига и служения миру, но лишена инстинктов государственного и общественного строительства. «Общественное» миросозерцание русской интеллигенции, подчиняющее все ценности политике, есть лишь результат великой путаницы, слабости мысли и сознания, смешения абсолютного и относительного. Русский интеллигентский максимализм, революционизм, радикализм есть особого рода моралистический аскетизм в отношении к государственной, общественной и вообще исторической жизни. Очень характерно, что русская тактика обычно принимает форму бойкота, забастовки и неделания.

Русский интеллигент никогда не уверен в том, следует ли принять историю со всей ее мукой, жестокостью, трагическими противоречиями, не праведнее ли ее совершенно отвергнуть. Мыслить над историей и ее задачами он отказывается, он предпочитает морализировать над историей, применять к ней свои социологические схемы, очень напоминающие схемы теологические. И в этом русский интеллигент, оторванный от родной почвы, остается характерно-русским человеком, никогда не имевшим вкуса к истории, к исторической мысли и к историческому драматизму. Русская интеллигенция всегда исповедовала какие-нибудь доктрины, вмещающиеся в карманный катехизис, и утопии, обещающие легкий и упрощенный способ всеобщего спасения, но не любила и боялась самоценной творческой мысли, перед которой раскрывались бы бесконечно сложные перспективы.

В широкой массе так называемой радикальной интеллигенции мысль не только упрощена, но опошлена и выветрена. Разложение старых идей в полуравнодушной массе – ядовито. Катехизисы допустимы лишь в огненной атмосфере, в атмосфере же тепло-прохлад-

ной они пошлеют и вырождаются. Творческая мысль, которая ставит и решает все новые и новые задачи, — динамична. Русская же мысль всегда была слишком статична, несмотря на смену разных вер и по отношению к теократически охранительным доктринам и по отношению к доктринам позитивистически-радикальным и социалистическим.

* * *

Русская нелюбовь к идеям и равнодушие к идеям нередко переходят в равнодушие к истине. Русский человек не очень ищет истины, он ищет правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасения. В этом есть что-то характерно-русское, есть своя настоящая русская правда. Но есть и опасность, есть отвращение от путей познания, есть уклон к народнически обоснованному невежеству. Преклонение перед органической народной мудростью всегда парализовало мысль в России и пресекало идейное творчество, которое личность берет на свою ответственность. Наша консервативная мысль была еще родовой мыслью, в ней не было самосознания личного духа. Но это самосознание личного духа мало чувствовалось и в нашей прогрессивной мысли. Мысль, жизнь идей всегда подчинялась русской душевности, смешивающей правду-истину с правдой-справедливостью. Но сама русская душевность не была подчинена духовности, не прошла через дух.

На почве этого господства душевности развивается всякого рода психологизм. Мысль родовая, мысль, связанная со стихийностью земли, всегда душевная, а не духовная мысль. И мышление русских революционеров всегда протекало в атмосфере душевности, а не духовности. Идея, смысл раскрывается в личности, а не в коллективе, и народная мудрость раскрывается на вершинах духовной жизни личностей, выражающих дух народный. Без великой ответственности и дерзновения личного духа не может осуществляться развитие народного духа. Жизнь идей есть обнаружение жизни духа. В творческой мысли дух овладевает душевно-телесной стихией. Исключительное господство душевности с ее животной теплотой противится этой освобождающей жизни духа. Величайшие русские гении боялись этой ответственности личного духа и с вершины духовной падали вниз, припадали к земле, искали спасения в стихийной народной мудрости. Так было у Достоевского и Толстого, так было у славянофилов. В русской религиозной мысли исключение представляли лишь Чаадаев и Вл. Соловьев.

Русская стихийно-народная душевность принимает разнообразные, самые противоположные формы — охранительные и бунтарские, национально-религиозные и интернационально-социалистические. Это — корень русского народничества, враждебного мысли и идеям. В настроенности и направленности русской народной душевности есть что-то антигностическое, берущее под подозрение процесс знания. Сердце преобладало над умом и над волей. Русский народнический душевный тип моралистичен, он ко всему на свете применяет исключительно моралистические оценки. Но морализм этот не способствует выработке личного характера, не создает закала духа. В морализме этом преобладает расплывчатая душевность, размягченная сердечность, часто очень привлекательная, но не чувствуется мужественной воли, ответственности, самодисциплины, твердости характера. Русский народ, быть может, самый духовный народ в мире. Но духовность его плавает в какой-то стихийной душевности, даже в телесности. В этой безбрежной духовности мужественное начало не овладевает женственным началом, не оформляет его. А это и значит, что дух не овладел душевным.

Это верно не только по отношению к «народу», но и по отношению к «интеллигенции», которая внешне оторвана от народа, но сохранила очень характерные черты народной психологии. На этой почве рождаются недоверие, равнодушие и враждебное отношение к мысли, к идеям. На этой же почве рождается и давно известная слабость русской воли, русского

характера. Самые правые русские славянофилы и самые левые русские народники (к ним за редкими исключениями нужно причислить по душевному складу и русских социал-демократов, непохожих на своих западных товарищей) одинаково восстают против «отвлеченной мысли» и требуют мысли нравственной и спасающей, имеющей существенное практическое применение к жизни. В восстании против отвлеченной мысли и в требовании мысли целостной была своя большая правда и предчувствие высшего типа мысли. Но правда эта тонула в расплывчатой душевности и неспособности к расчленениям и дифференциациям. Мысль человеческая в путях человеческого духа должна проходить через раздвоение и расчленение. Первоначальная органическая целостность не может быть сохранена и перенесена в высший тип духовности, без мучительного дифференцирующего процесса, без отпадения и секуляризации. Без сохранения этой истины органически целостная мысль переходит во вражду к мысли, в бессмыслие, в мракобесный морализм. Своеобразие и оригинальность русской души не может быть увита мыслью. Боязнь эта есть неверие в Россию и русского человека. Недифференцированность нашей консервативной мысли перешла и к нашей прогрессивной мысли.

* * *

В России не совершилось еще настоящей эмансипации мысли. Русский нигилизм был порабощением, а не освобождением мысли. Мысль наша осталась служебной. Русские боятся греха мысли, даже когда они не признают уже никакого греха. Русские все еще не поднялись до того сознания, что в живой, творческой мысли есть свет, преображающий стихию, пронизывающий тьму. Само знание есть жизнь, и потому уже нельзя говорить, что знание должно быть утилитарно подчинено жизни. Нам необходимо духовное освобождение от русского утилитаризма, порабощающего нашу мысль, будет ли он религиозным или материалистическим.

Рабство мысли привело в широких кругах русской интеллигенции к идейной бедности и идейной отсталости. Идеи, которые многим еще продолжают казаться «передовыми», в сущности очень отсталые идеи, не стоящие на высоте современной европейской мысли. Интеллигентная и полуинтеллигентная масса питается и живет старым идейным хламом, давно уже сданным в архив...

Вершина человечества вступила уже в ночь нового средневековья, когда солнце должно засветиться внутри нас и привести к новому дню. Внешний свет гаснет. Крах рационализма, возрождение мистики и есть этот ночной момент. Но когда происходит крах старой рассудочной мысли, особенно нужно призывать к творческой мысли, к раскрытию идей духа. Борьба идет на духовных вершинах человечества, там определяется судьба человеческого сознания, есть настоящая жизнь мысли, жизнь идей. В середине же царит старая инертность мысли, нет инициативы в творчестве идей, клочья старого мира мысли влачат жалкое существование. Средняя мысль, мнящая себя интеллигентной, доходит до состояния полного бессмыслия. Мы вечно наталкиваемся на статику мысли, динамики же мысли не видно. Но мысль по природе своей динамичная, она есть вечное движение духа, перед ней стоят вечно новые задачи, раскрываются вечно новые меры, она должна давать вечно творческие решения. Когда мысль делается статической – она костенеет и умирает...

Наша общественность бедна идеями, недостаточно воодушевлена. Мы расплачиваемся за долгий период равнодушия к идеям. Идеи, на которых покоилась старая власть, окончательно разложились. Их нельзя оживить никакими силами. Не помогут никакие ядовитые мистические оправдания, почерпнутые из старых складов. Но идеи русской общественности, призванной перестроить русскую жизнь и обновить власть, охладели и выветрились раньше, чем наступил час для их осуществления в жизни. Остается обратиться к творческой

жизни идей, которая неприметно назревала в мире. Расшатались идеологические основы русского консерватизма и идеологические основы русского радикализма. Нужно перейти в иное идейное измерение.

В мировой борьбе народов русский народ должен иметь свою идею, должен вносить в нее свой закал духа. Русские не могут удовлетвориться отрицательной идеей отражения германского милитаризма и одоления темной реакции внутри. Русские должны в этой борьбе не только государственно и общественно перестроиться, но и перестроиться идейно и духовно. Постыдное равнодушие к идеям, закрепощающее отсталость и статическую окаменелость мысли, должно замениться новым идейным воодушевлением и идейным подъемом. Почва разрыхлена, и настало благоприятное время для идейной проповеди, от которой зависит все наше будущее.

В самый трудный и ответственный час нашей истории мы находимся в состоянии идейной анархии и распутицы, в нашем духе совершается гнилостный процесс, связанный с омертвлением мысли консервативной и революционной, идей правых и левых. Но в глубине русского народа есть живой дух, скрыты великие возможности. На разрыхленную почву должны пасть семена новой мысли и новой жизни. Созревание России до мировой роли предполагает ее духовное возрождение

Русский империализм

Русский империализм, которому так много естественно дано, не походит на империализм английский или германский, он совсем особенный, более противоречивый по своей природе. Русский империализм имеет национальную основу, но по заданиям своим он превышает все чисто национальные задания, перед ним стоят задачи широких объединений, быть может невиданных еще объединений Запада и Востока, Европы и Азии.

Стоим ли мы на высоте этих выпавших на нашу долю задач? Это подводит нас к вопросу о нашей националистической политике. Россия тогда лишь будет на высоте мировых империалистических задач, когда преодолеет свою старую националистическую политику, в сущности не согласную с духом русского народа, и вступит на новый путь. Наша политика впервые сделается истинно национальной, когда она перестанет быть насильнической и исключительно националистической. Такая националистическая политика совершенно противоречит идее великой мировой империи. Такого рода национализм есть показатель слабости, он несоединим с чувством силы. Он возможен или у народов, освобождающихся от рабства, или у маленьких и слабых народов, боящихся попасть в рабство. Великая мировая империя, в основе которой лежит сила, а не слабость господствующего национального ядра, не может вести националистической политики, озлобляющей те народности, которые она объемлет, внушающей всем нелюбовь к себе и жажду освобождения. Такая политика в конце концов антигосударственна и ведет к разделению и умалению великой России.

Русская политика может быть лишь империалистической, а не националистической, и империализм наш, по положению нашему в мире, должен быть щедро-дарящим, а не хищнически-отнимающим. Национальное ядро великой империи, объемлющей множество народностей, должно уметь внушать к себе любовь, должно притягивать к себе, должно обладать даром обаяния, должно нести своим народностям свет и свободу. И можно сказать, что народная Россия внушает к себе такую любовь и притягивает к себе всех.

Старая националистическая политика была труслива и бессильна, она насильствовала от страха, и в основе ее лежало неверие в великорусское племя. Но если в великорусском племени нет настоящей силы и настоящего духа, то оно не может претендовать на мировое значение. Насилие не может заменить силы. Отсутствие дара не может быть компенсировано никаким устрашением. Поразительно, до чего неверующими в Россию были всегда наши националисты. Их жесты были жестами бессилия.

Именно в русском империализме должна была быть всечеловеческая широта и признание всякой народной индивидуальности, бережное и щедрое отношение ко всякой народности. Понимание народных душ – гордость русского гения. В основу русской идеи легло сознание русского человека, как всечеловека. И если русский империализм не будет выражением этого русского народного духа, то он начнет разлагаться и приведет к распадению России. Великая империя, верящая в свою силу и свое призвание, не может превращать своих граждан в бесправных париев, как то было у нас с евреями. Это ведет к распадению империалистического единства. Лишь свободные граждане могут быть опорой империи. Большое количество бесправных, гонимых и всячески озлобляемых, представляет опасность...

Если Россия не сумеет внушить любви к себе, то она потеряет основания для своего великого положения в мире. Ее империализм не может быть агрессивным. Ее национализм должен выражать русский всечеловеческий народный характер.

Мессианское сознание русских

Мессианское сознание народа может быть лишь плодом великих народных страданий. И мессианская идея, заложенная в сердце русского народа, была плодом страдальческой судьбы русского народа, его взысканий Града Грядущего. Но в русском сознании произошло смешение христианского мессианизма с мессианизмом еврейским и с преступившим свои пределы национализмом. У нас не было здорового национального сознания и национального чувства, всегда был какой-то надрыв, всегда эксцессы самоутверждения или самоотрицания. Наш национализм слишком часто претендовал быть мессианизмом древнееврейского типа, яростного, исключительного и притязательного. Обратной же стороной его было полное отрицание национальности, отвлеченный и утопический интернационализм.

Необходимо внутри нашего национального самосознания произвести расчленения и очищения. Национализм утверждает духовно-биологическую основу индивидуально-исторического бытия народов, вне которой невозможно выполнение никаких миссий. Народ должен быть, должен хранить свой образ должен развивать свою энергию, должен иметь возможность творить свои ценности. Но самый чистый, самый положительный национализм не есть еще мессианизм. Мессианская идея – вселенская идея. Она определяется силой жертвенного духа народа, его исключительной вдохновенностью царством не от мира сего, она не может притязать на внешнюю власть над миром и не может претендовать на то, чтобы даровать народу земное блаженство. И я думаю, что в России, в русском народе есть и исключительный, нарушивший свои границы национализм, и яростный исключительный еврейский мессианизм, но есть и истинно христианский, жертвенный мессианизм. Образ России двоятся, в нем смешаны величайшие противоположности. Крайнее утверждение национализма у нас нередко соединяется с отрицанием русского мессианизма, с абсолютным непониманием мессианской идеи и отвращением от нее... Национализм может быть чистым западничеством, евреизацией России, явлением партикуляристическим по своему духу, не вмещающим никакой великой идеи о России, неведующим России, как некоего великого Востока. И, наоборот, полное отрицание национализма может быть явлением глубоко русским, неведомым западному миру, вдохновенным вселенской идеей о России, ее жертвенным мессианским призванием. Мессианизм, переходящий в отрицание всякого национализма, хочет, чтобы русский народ жертвенно отдал себя на служение делу избавления всех народов, чтобы русский человек явил собой образ всечеловека. Русской душе свойственно религиозное, а не «интернациональное» отрицание национализма. И это явление – русское, характерно национальное, за ним стоит облик всечеловека, который решительно нужно отличать от облика космополита.

* * *

Но русской душе недостает мужественного сознания, она не сознает, не освещает своей собственной стихии, она многое смешивает. Русский апокалипсис переживается пассивно, как пронизанность русской души мистическими токами, как вибрирование ее тончайших тканей. Эта пассивная, рецептивная, женственная апокалиптичность русской души должна быть соединена с мужественным, активным, творческим духом. России необходимо мужественное национальное сознание. Необходима творческая работа мысли, которая произведет расчленение, прольет свет на русскую тьму. В народной русской жизни апокалиптические переживания, погружавшие в тьму, доводили до самосожжения и до истребления всякого бытия. Этот уклон всегда есть в русской жажде абсолютного, в русском отрицании всего относительного, всего исторического.

В самых причудливых и разнообразных формах русская душа выражает свою заветную идею о мировой жизни для всего человечества. Идеей этой, поистине мессианской идеей, одинаково одержим Бакунин и Н. Ф. Федоров, русский социалист и Достоевский, русский сектант и Вл. Соловьев. Но это русское мессианское сознание не пронизано светом сознания, не оформлено мужественной волей. Мы должны сознать, что русский мессианизм не может быть претензией и самоутверждением, он может быть лишь жертвенным горением духа, лишь великим духовным порывом к новой жизни для всего мира.

Мессианизм не означает, что мы лучше других и на большее можем притязать, а означает, что мы больше должны сделать и от большего способны отречься. Но всякому мессианскому служению должна предшествовать положительная национальная работа, духовное и материальное очищение, укрепление и развитие нашего национального бытия. Мессианизм не может быть программой, программа должна быть творчески-национальной. Мессианизм же есть эзотерическая глубина чистого, здорового и положительного национализма, есть безумный духовно-творческий порыв.

Русская и польская душа

Старая ссора в славянской семье, ссора русских с поляками, не может быть объяснена лишь внешними силами истории и внешними политическими причинами. Источники вековой, исторической распри России и Польши лежат глубже. И сейчас особенно важно для нас осознать духовные причины этой вражды и отталкивания, разделяющих славянский мир. Это прежде всего распря двух славянских душ, родственных по крови и языку, по общеславянским расовым свойствам и столь различных, почти противоположных, с трудом совместимых, неспособных друг друга понять. Народы родственные и близкие менее способны друг друга понять и более отталкиваются друг от друга, чем далекие и чужие. Родственный язык звучит неприятно и кажется порчей собственного языка. В семейной жизни можно наблюдать это отталкивание близких и невозможность понять друг друга. Чужим многое прощают, но своим, близким ничего не хотят простить... И никто не кажется таким чужим и непонятным, как свой, близкий.

Русские и поляки боролись не только за землю и за разное чувство жизни. Внешне – исторически русские победили в этой вековой борьбе, они не только отразили опасность полонизации русского народа, но и агрессивно наступали на народ польский и делали попытки его русификации. Польское государство было раздавлено и разорвано, но польская душа сохранилась, и с еще большей напряженностью выразил себя польский национальный лик. Великий духовный подъем, выразившийся в польском мессианизме, произошел уже после гибели польского государства. Польский народ, обнаруживший так мало способностей к государственному строительству, обладающий чертами индивидуалистическими и анархическими, оказался духовно сильным и несокрушимым. И нет в мире народа, который обладал бы таким напряженным национальным чувством. Поляки совершенно не поддаются ассимиляции. Именно у поляков идея национального мессианизма достигла высочайшего подъема и напряжения. Поляки внесли в мир идею жертвенного мессианизма. И русский мессианизм всегда должен был казаться полякам нежертвенным, корыстным, притязающим на захват земли.

Н. Неврев «Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма»

Теперь внешние отношения России и Польши коренным образом меняются. Россия сознает, что должна искупить свою историческую вину перед Польшей. Но русская и польская душа все еще противостоят друг другу, как страшно чуждые, бесконечно разные, друг другу непонятные. Внутреннего сближения не происходит. Не явилось еще глубокой потребности понять друг друга. Польско-русский вопрос ставится и самими поляками и русскими

слишком внешне, в плане политическом, и решение его колеблется в зависимости от колебания политических настроений. Но только настоящее понимание может быть освобождающим, оно избавляет от давящих отрицательных чувств, и следует вникнуть и нам, русским, и полякам, почему русской душе всегда так трудно было полюбить душу польскую, почему польская душа с таким презрением относилась к душе русской? Почему так чужды и так непонятны друг другу эти две славянские души? Внутри славянства произошло столкновение Востока и Запада. Славянский Запад чувствовал себя более цивилизованным, носителем единой европейской культуры. Славянский Восток противопоставлял Западу свой собственный духовный тип культуры и жизни.

* * *

Я всегда думал, что распря России и Польши есть, прежде всего, распря души православной и души католической. И внутри славянства это столкновение православной и католической души приобретает особенную остроту. Россия исторически привыкла со стороны Запада охранять свою православную душу и свой особый духовный уклад. В прошлом колонизация и латинизация русского народа была бы гибелью его духовной самобытности, его национального лика.

Польша шла на русский Восток с чувством своего культурного превосходства. Русский духовный тип казался полякам не иным духовным типом, а просто низшим и некультурным состоянием. Историческая борьба России с Польшей имела положительный смысл, и духовное своеобразие русского народа было в ней утверждено навеки. Воспоминание об этой борьбе оставило в душах обоих народов след столь глубокий, что и сейчас трудно от него освободиться. Россия выросла в колосса, как государственного, так и духовного, и давно уже раздувание польской опасности, как и опасности католической, постыдно и обидно для достоинства русского народа. Более сильному обидчику не подобает кричать об опасности со стороны более слабого и им же раздавленного.

Ныне перед Россией стоят задачи творческие, а не охранительно-утеснительные. Русская политика относительно Польши давно уже стала историческим пережитком, она связана с далеким прошлым и не дает возможности творить будущее. В этой неумной политике виновный не мог простить тому, перед кем виноват.

Это в сфере внешне-государственной. В сфере же внутренне-духовной русской душе все еще мешает подойти к душе польской чувство чуждости и враждебности, вызываемое латинско-католической прививкой к славянской душе, создавшей польский национальный лик. Для погруженной в себя русской души, получившей сильную православную прививку, многое не только чуждо и непонятно в поляке, но неприятно, отталкивает и вызывает вражду. И даже отпадавшие от православия русские люди остаются православными по своему душевному типу, и труднее всего им постигнуть католическую культуру и душевный тип, на ее почве вырастающий. Германский протестантизм менее отталкивал русского человека, и это было настоящим несчастьем для судьбы России.

В типической русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитренности, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест. Это душа – легко опускающаяся и грешащая, кающаяся и до болезненности сознающая свое ничтожество перед лицом Божиим. В ней есть какой-то особый, совсем не западный демократизм на религиозной почве, жажда спасения всем народом. Все остается в глубине у русского народа, и он не умеет себя пластически-благобразно выявить. В русском человеке так мало подтянутости, организованности души, закала личности, он не вытягивается вверх, в складе души его нет ничего готического. Ждет русский человек, что сам Бог организует его душу и устроит его жизнь. В самых высших своих проявлениях русская душа –

странническая, ищущая града не здешнего и ждущая его сошествия с неба. Русский народ в своих низах погружен в хаотическую, языческую еще земляную стихию, а на вершинах своих живет в апокалиптических чаяниях, жаждет абсолютного и не мирится ни с чем относительным.

Совсем иная душа польская. Польская душа – аристократична и индивидуалистична до болезненности, в ней так сильно не только чувство чести, связанное с рыцарской культурой, неведомой России, но и дурной гонор. Это наиболее утонченная и изящная в славянстве душа, упоенная своей страдальческой судьбой, патетическая до аффектации. В складе польской души русских всегда поражает условная эlegantность и сладость, недостаток простоты и прямоты и отталкивает чувство превосходства и презрения, от которых не свободны поляки. Полякам всегда недоставало чувства во Христе, связанного с признанием бесконечной ценности каждой человеческой души. Особое духовное шляхетство отравляло польскую жизнь и сыграло роковую роль в их государственной судьбе.

Русский человек мало способен к презрению, он не любит давать чувствовать другому человеку, что тот ниже его. Русский человек горд своим смирением. Польская душа вытягивается вверх. Это – католический духовный тип. Русская душа распластывается перед Богом. Это – православный духовный тип. У поляка есть любовь к жесту. У русского совсем нет жеста. В польской душе есть переживание Христова пути, страстей Христовых, Голгофской жертвы. На вершинах польской духовной жизни судьба польского народа переживается, как судьба агнца, приносимого в жертву за грехи мира. Таков польский мессианизм, прежде всего жертвенный, не связанный с государственной силой, с успехом и господством в мире... Отсюда рождается в польской душе пафос страдания и жертвы.

Все по-иному в русской душе. Русская душа больше связывает себя с заступничеством Богородицы, чем с путем Христовых страстей, с переживанием Голгофской жертвы. В русской душе есть настоящее смирение, но мало жертвенности. Русская душа отдает себя церковному коллективизму, всегда связанному для нее с русской землей. В польской душе чувствуется судорожное противление личности, способность к жертве и неспособность к смирению. В польской душе есть всегда отравленность страстями. Дионисизм русской души совсем иной, не такой окровавленный.

В польской душе есть страшная зависимость от женщины, зависимость, нередко принимающая отталкивающую форму, есть судорога и корчи. В русской душе нет такого рабства у женщины. Любовь играет меньшую роль в русской жизни и русской литературе, чем у поляков. И русское сладострастие, гениально выраженное Достоевским, совсем иное, чем у поляков. Проблема женщины у поляков совсем иначе ставится, чем у французов, – это проблема страдания, а не наслаждения.

* * *

В каждой народной душе есть свои сильные и свои слабые стороны, свои качества и свои недостатки. Но нужно взаимно полюбить качества народных души и простить их недостатки. Тогда лишь возможно истинное общение. В великом славянском мире должна быть и русская стихия и стихия польская. Историческая распря изжита и кончилась, начинается эпоха примирения и единения. Много можно было бы указать черт противоположных в народной польской душе. Но можно открыть и черты общеславянские, избличающие принадлежность к единой расе. Это общее и роднящее чувствуется на вершинах духовной жизни русского и польского народа, в мессианском сознании. И русское и польское мессианское сознание связывает себя с христианством, и одинаково полно оно апокалиптических предчувствий и ожиданий. Жажда царства Христова на земле, откровения Св. Духа есть жажда славянская, русская и польская жажда. Мицкевич и Достоевский, Товянский и Вл.

Соловьев в этом сходятся. И справедливость требует признать, что польский мессианизм более чистый и жертвенный, чем мессианизм русский.

Много было грехов в старой шляхетской Польше, но грехи эти искуплены жертвенной судьбой польского народа, пережитой им Голгофой. Польский мессианизм – цвет польской духовной культуры – преодолевает польские недостатки и пороки, сжигает их на жертвенном огне. Старая легкомысленная Польша с магнатскими пирами, с мазуркой и угнетением простого народа перевоплотилась в Польшу страдальческую. Но если польское мессианское сознание и может быть поставлено выше русского мессианского сознания, я верю, что в самом народе русском есть более напряженная и чистая жажда правды Христовой и царства Христова на земле, чем в народе польском. Национальное чувство искалечено у нас, русских, наших внутренним рабством, у поляков – их внешним рабством.

Русский народ должен искупить свою историческую вину перед народом польским, понять чуждое ему в душе Польши и не считать дурным непохожий на его собственный духовный склад. Польский же народ должен почувствовать и понять душу России, освободиться от ложного и дурного презрения, которому иной духовный склад кажется низшим и некультурным. Русская душа останется православной по своему основному душевному типу, как польская душа останется католической. Это глубже и шире православия и католичества, как вероисповеданий, это – особое чувство жизни и особый склад души. Но эти разные народные души могут не только понять и полюбить друг друга, но и почувствовать свою принадлежность к единой расовой душе и сознать свою славянскую миссию в мире.

Н.А. Бердяев. Русская революция (Из книги Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма»)

Русский нигилизм

Нигилизм есть характерно русское явление, в такой форме неизвестное Западной Европе. В узком смысле нигилизмом называется эмансипационное умственное движение 1860-х годов и его главным идеологом признается Писарев. Тип русского нигилиста был изображен Тургеневым в образе Базарова. Но в действительности нигилизм есть явление гораздо более широкие, чем писаревщина, его можно найти в подпочве русских социальных движений, хотя нигилизм сам по себе не был социальным движением. Нигилистические основы есть у Ленина, хотя он и жил в другую эпоху. Мы все нигилисты, говорил Достоевский.

Русский нигилизм отрицал Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности. И тем не менее нигилизм нужно признать религиозным феноменом. Возник он на духовной почве православия, он мог возникнуть лишь в душе получившей православную формацию. Это есть вывернутая наизнанку православная аскеза, безблагодатная аскеза. В основе русского нигилизма, взятого в чистоте и глубине, лежит православное мироотрицание, ощущение мира лежащая во зле, признание греховности всякого богатства и роскоши жизни, всякого творческого избытка в искусстве, в мысли. Подобный православной аскетике нигилизм был индивидуалистическим движением, но также был направлен против творческой полноты и богатства жизни человеческой индивидуальности. Нигилизм считает греховой роскошью не только искусство, метафизику, духовные ценности, но и религию. Все силы должны быть отданы на эмансипацию земного человека, эмансипацию трудового народа от непомерных страданий, на создание условий счастливой жизни, на уничтожение суеверий и предрассудков, условных норм и возвышенных идей, порабощающих человека и мешающих его счастью. Это — единое на потребу, все остальное от лукавого.

В умственной сфере нужно аскетически довольствоваться естественными науками, которые разрушают старые верования, низвергают предрассудки, и политической экономией, которая учит организации более справедливого социального строя. Нигилизм есть негатив русской апокалиптичности. Он есть восстание против неправды истории, против лжи цивилизации, требование, чтобы история кончилась и началась совершенно новая, вне-историческая или сверхисторическая жизнь. Нигилизм есть требование оголения, совлечения с себя всех культурных покровов, превращение в ничто всех исторических традиций, эмансипация натурального человека, на которого не будет более налагаться никаких оков.

Умственный аскетизм нигилизма нашел себе выражение в материализме, более утонченная философия была объявлена грехом. Русские нигилисты 60-х годов — я имею в виду не только Писарева, но и Чернышевского, Добролюбова и др. — были русскими просветителями, они объявили борьбу всем историческим традициям, они противопоставляли «разум», существование которого в качестве материалистов признавать не могли, всем верованиям и предрассудкам прошлого. Но русское просветительство, по максималистическому характеру русского народа, всегда оборачивалось нигилизмом. Вольтер и Дидро не были нигилистами. В России материализм принял совсем иной характер, чем на Западе. Материализм превратился в своеобразную догматику и теологию. Это поражает в материализме коммунистов. Но уже в 1860-х гг. материализм получил эту теологическую окраску, он стал морально обя-

зательным догматом и за ним была скрыта своеобразная нигилистическая аскеза. Был создан материалистический катехизис, который был усвоен фанатически широкими слоями левой русской интеллигенции. Не быть материалистом было признано нравственно подозрительным. Если вы не материалист, то значит, вы за порабощение человека и народа.

Отношение русских нигилистов к науке было идолопоклонническим. Наука, – под которой понимались, главным образом, естественные науки, в то время окрашенные в материалистический цвет, – стала предметом веры, она была превращена в идол. В России в то время были и замечательные ученые, которые представляли особенное явление. Но нигилисты-просветители не были людьми науки. Это были верующие люди и догматически верующие. Менее всего им свойствен был скептицизм. Методическое сомнение Декарта мало подходит к нигилистам, да и вообще к русской природе. Типический русский человек не может долго сомневаться, он склонен довольно быстро образовывать себе догмат и целостно, тотально отдавать себя этому догмату. Русский скептик есть западный в России тип. В русском материализме не было ничего скептического, он был верующим.

* * *

В нигилизме в деформированном виде огазилась еще одна черта русского православного религиозного типа – нерешенность на почве православия проблемы культуры. Аскетическое православие сомневалось в оправданности культуры, склонно было видеть греховность в культурном творчестве. Это сказалось в мучительных сомнениях великих русских писателей относительно оправданности их литературного творчества. Религиозное, моральное и социальное сомнение в оправданности культуры, есть характерно русский мотив. У нас постоянно сомневались в оправданности философского и художественного творчества. Отсюда борьба против метафизики и эстетики. Вопрос о цене, которой покупается культура, будет господствовать в социальной мысли 70-х годов. Русский нигилизм был уходом из мира, лежащего во зле, разрывом с семьей и со всяким установившимся бытом. Русские легче шли на этот разрыв, чем западные люди. Греховными почитались государство, право, традиционная мораль, ибо они оправдывали порабощение человека и народа. Замечательнее всего, что русские люди, получившие нигилистическую формацию, легко шли на жертвы, шли на каторгу и на виселицу. Они были устремлены к будущему, но для себя лично они не имели никаких надежд, ни в этой земной жизни, ни в жизни вечной, которую они отрицали. Они не понимали тайны Креста, но в высшей степени были способны на жертвы и отречение. Они этим выгодно отличались от христиан своего времени, которые проявляли очень мало жертвостопособности и были соблазном, отталкивающим от христианства. Чернышевский, который был настоящим подвижником в жизни, говорил, что он проповедует свободу, но для себя никакими свободами никогда не воспользуется, чтобы не подумали, что он отстаивает свободы из эгоистических целей. Удивительная жертвостопособность людей нигилистического мирозерцания свидетельствует о том, что нигилизм был своеобразным религиозным феноменом.

Не случайно в русском нигилизме большую роль играли семинаристы, дети священников, прошедшие православную школу. Добролюбов и Чернышевский были сыновья протоиереев и учились в семинарии. Ряды разночинной «левой» интеллигенции у нас пополнялись в сильной степени выходцами из духовного сословия. Смысл этого факта двоякий. Семинаристы через православную школу получали формацию души, в которой большую роль играет мотив аскетического мироотрицания. Вместе с тем в семинарской молодежи второй половины 50-х годов и начала 60-х годов назревал бурный протест против упадочного православия XIX века, против безобразия духовного быта, против обскурантской атмосферы духовной школы. Семинаристы начали проникаться освободительными идеями про-

свещения, но проникаться по-русски, т. е. экстремистски, нигилистически. Немалую роль тут играло и *ressantiment* семинаристов к дворянской культуре.

Вместе с тем в молодежи пробудилась жажда социальной правды, которая была в ней порождением христианства, получившего новую форму. Семинаристы и разночинцы принесли с собой новую душевную структуру, более суровую, моралистическую, требовательную и исключительную, выработанную более тяжелой и мучительной школой жизни, чем та школа жизни, в которой выросли люди дворянской культуры. Это новое молодое поколение изменило тип русской культуры. Тип культуры шестидесятников, Добролюбова, Чернышевского, нигилистов, возраставшей революционной интеллигенции был пониженный по сравнению с типом дворянской культуры 1830-х и 1840-х годов, культуры Чаадаева, И. Киреевского, Хомякова, Грановского, Герцена. Культура всегда образуется и достигает более совершенных форм путем аристократического отбора. Демократизуясь, распространяясь в ширь на новые слои, она понижается в своем уровне и лишь позже, путем переработки человеческого материала, культура может опять повыситься.

В малых размерах в слое интеллигенции в 1860-е годы в России произошел тот же процесс, который в широких, всенародных масштабах произошел в русской революции. Изменение типа культуры выразилось прежде всего в изменении направления сознания и тем культуры. Это было предreshено уже Белинским в последний период его развития. «Идеалисты» 1840-х годов интересовались, главным образом, гуманитарными науками, философией, искусством, литературой. Нигилисты 1860-х годов интересовались, главным образом, естественными науками и политической экономией, что определило уже интересы коммунистического поколения русской революции.

Добролюбов, Чернышевский, Писарев

Для понимания генезиса русского нигилизма в широком смысле слова очень интересен образ Добролюбова. На нем можно видеть, в какой душе родились нигилистические и революционные идеи. Это была структура души, из которой выходят святые. Это одинаково можно сказать и про Добролюбова и про Чернышевского.

Добролюбов оставил после себя «Дневник», в котором он описывает свое детство и юность. Добролюбов получил чисто православное религиозное воспитание. В детстве и еще в ранней молодости он был очень религиозен. Склад его был аскетический. У него было сильное чувство греха и склонность к постоянному покаянию. Самые ничтожные грехи его очень мучили. Он не мог себе простить, если он съедал слишком много варенья, слишком долго спал и т. п. Он был очень набожен. Он нежно любил своих родителей, особенно свою мать, и он не мог примириться с их смертью.

Добролюбов был человек чистый, суровый, серьезный, лишенный всякой игры, которая была у людей дворянской культуры и составляла их прелесть. И вот эта набожная, аскетическая до суровости серьезная душа теряет веру. Он теряет веру, пораженный злом, несправедливостью, страданиями жизни. Он не мог примириться с тем, что у такого злого, исполненного несправедливостей и страданий мира есть всеблагий и всемогущий Творец. Тут действует своеобразный маркионистический мотив. Добролюбов потрясен тем, что умирает любимая мать. Он также не может примириться с низменностью быта русского духовенства, с его малой духовностью, с обскурантизмом, с отсутствием всякой реализации христианства в жизни.

Добролюбов чувствует себя окруженным темным «царством». Его главная статья, написанная по поводу Островского, называется «Луч света в темном царстве». Человек сам должен внести свет в темное царство. Нужно просвещение, нужно революционное изменение всего строя жизни. Добролюбов был критиком, он писал о литературе. Он не доходил до таких крайностей, как Писарев, в отрицании эстетики, но и для него эстетика была роскошью, он аскетически отрицал избыточную роскошь эстетики. Добролюбов хочет земного счастья для человека и после потери веры другой цели не знает. Но сам он счастья не знает, жизнь его была безрадостная и он умирает почти юношей от чахотки. Русский нигилизм только и можно представить себе, как движение юности, нигилизм в старости носит отталкивающий характер.

* * *

Н. Чернышевский был властителем дум не только радикальной интеллигенции 1860-х годов, но и последующих поколений. Очень много способствовал его популярности тот ореол, которым окружала его имя ссылка на каторгу. Чернышевский был обвинен в составлении прокламаций к крестьянам, при этом обвинение было основано на фальсификации почерка и ложных показаниях. Он был приговорен к семи годам каторги и после этого провел еще двенадцать лет в Восточной Сибири в исключительно тяжелых условиях. Сибирь и каторгу он вынес как настоящий подвижник. Истязание Чернышевского было одним из самых постыдных деяний русского правительства старого режима.

Чернышевский, как и Добролюбов, был сын протоиерея. Первоначальное образование его было богословским, он воспитывался в семинарии. Он был очень ученым человеком, настоящим энциклопедистом, знал и богословие, и философию вплоть до философии Гегеля, знал историю и естественные науки, но прежде всего, был экономистом. Как экономиста его очень ценил Маркс. У него были данные стать специалистом ученым, и если он

не стал им, то исключительно потому, что был увлечен общественной борьбой. Но он все же был книжным человеком и не производил впечатления человека страстного. Он писал нравоучительные романы, но особенным литературным талантом не обладал. Несмотря на обширную ученость, Чернышевский не был человеком высокой культуры. Тип культуры был пониженный по сравнению с культурой людей 1840-х годов. В нем было безвкусице, принесенное семинаристами и разночинцами.

Чернышевский был материалистом, последователем Фейербаха, и вместе с тем идеалистом земли, как и Добролюбов, как и все лучшие представители революционной и нигилистической интеллигенции. В нем также сильна была аскетическая черта. Крайний материализм, философски наивный и жалкий, он утверждал из аскетизма. Утилитарную мораль разумного эгоизма он утверждал из морализма, из любви к добру. Моральный мотив всегда был очень силен у нигилистов, теоретически отрицавших всякую мораль. Идеализм, спиритуалистическая метафизика, религия связывались с жизненным материализмом и социальной несправедливостью. Для этого христианство давало достаточно оснований. Идеалисты и спиритуалисты слишком часто прикрывали возвышенными идеями самые измененные интересы. И потому во имя жизненного идеализма, во имя осуществления социальной правды начали утверждать грубый материализм и утилитаризм, отрицать все возвышенные идеи, всякую возвышенную риторику.

Чернышевский пишет утопический роман «Что делать?», который стал как бы катехизисом русского нигилизма, настольной книгой русской революционной интеллигенции. В художественном отношении роман этот довольно слаб и безвкусен, но он очень интересен для истории русской интеллигенции. Моральные нападения из правого лагеря на этот роман были чудовищно несправедливы и клеветнически-лживы. Прав был замечательный русский богослов Бухарев, который угадал в нем христианский характер. «Что делать?» – аскетическая книга, что-то вроде наставления к благочестивой жизни русских нигилистов. Герой романа Рахметов спит на гвоздях, чтобы закалить свой характер и приучить себя выносить страдания и мучения.

Проповедь свободы любви означала не проповедь распущенности, которая сильна была именно у консервативных господствующих классов, у гвардейских офицеров и т. п., а не у нигилистов, людей идеи. Эта проповедь означала требование искренности в чувствах, освобождение от всяких условностей, лжи и угнетения. Мораль Чернышевского стояла, конечно, гораздо выше рабской морали «Домостроя». «Сон Веры Павловны» в романе представляет собой социалистическую утопию, в которой устраиваются кооперативные мастерские. Социализм Чернышевского носил еще частью народнической, частью утопический характер, но уже является более других, одним из предшественников коммунизма в 60-е годы. Это признает Плеханов, основатель русского марксизма, в своей книге о Чернышевском. Недаром Маркс для чтения Чернышевского изучал русский язык.

* * *

Наиболее самостоятелен Чернышевский как экономист. Он не был противником индустриального развития, подобно многим другим народникам, но он ставит традиционный для русской мысли XIX века вопрос о том, может ли Россия избежать капиталистического периода развития, и решает его в том смысле, что Россия может сократить до нуля срок капиталистического периода и прямо перейти от низших форм хозяйства к хозяйству социалистическому. Коммунисты, несмотря на свой марксизм, именно это и пытаются сделать.

Чернышевский делает характерное для народнического социализма противопоставление национального богатства и народного благосостояния. В капиталистических странах национальное богатство возрастает, а народное благосостояние уменьшается. Чернышев-

ский защищает крестьянскую общину. Он утверждает, что третий высший социалистический период развития будет походить на первоначальный низший период. Чернышевский, подобно Герцену и потом Михайловскому, отождествляет интересы народа с интересами человеческой личности вообще. Из всех писавших в легальной литературе Чернышевский был наиболее ярко выраженным социалистом и этим определилось его значение для русской интеллигенции, которая по своему моральному сознанию во вторую половину XIX века вся почти была социалистической. Нигилизм Писаревского типа был ослаблением социальных мотивов, но это было явление временное.

Наиболее слаба была философская позиция Чернышевского. Хотя он исходил от такого замечательного мыслителя, как Фейербах, но его материализм был вульгарный и окрашен в цвет популярных естественно-научных книжек того времени, гораздо более вульгарный, чем диалектический материализм марксистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.